中國崛起以及莫斯科與北京和莫斯科與台北關係發展的前景

高念甫*

現階段俄中關係評述上的普遍途徑，在評價俄中關係發展，尤其是嘗試著設計未來發展可預見模型時，爲多因素與多層級的分析領域。俄中兩國不僅是歐亞大陸上的巨人，且爲全球政治舞台上的要角。俄中關係的主題因此涉及許多範疇和互動層級：最直接地就是兩國政府關係方面，此外涉及全球政策的範疇、地緣政治和地區發展方面、經濟方面、貿易和投資方面、在平民大量接觸方面，以及文化互相交流方面。而各方面又都帶有本身複雜的問題和矛盾，再者不同面向亦無法個別分開去理解，因爲其彼此之間皆存在著緊密的相互關係。由於現實生活中不同層級的問題通常皆密切相關，故本文雖無法論及上述俄中互動的所有面向，然而在某種程度上仍已論及相關主題之不同層級。以下爲本文所論及之面向：

一、俄中關係與中國的崛起

二、經貿關係的整體情勢

三、中國對俄羅斯能源的關注

1) 石油—恩格斯克(Angarsk)-大慶油管問題
2) 天然氣
3) 原子能
4) 木材

四、俄羅斯遠東對中國市場的依附性

五、中國政權內政與外交議題的複雜性；中國當前政治制度的轉型特質，體制上的困難。

---

*Андрей.Н. Карнеев, 俄羅斯國立莫斯科大學亞非學院副院長。

airiti

«ПОДЪЕМ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МОСКВА-ПЕКИН И МОСКВА-ТАЙБЭЙ»*

А.Н. Карнеев**

Общие подходы к характеристике российско-китайских отношений на современном этапе.

Оценка развития отношений России с Китаем, особенно попытка конструирования прогностических моделей будущего развития – многофакторная и многоуровневая область анализа. Это очевидно уже в силу того обстоятельства, что в данном случае речь идет о двух крупнейших государствах мира (одно по территории, другое по численности населения), имеющих общую весьма протяженную сухопутную границу, и около 400 лет истории взаимных контактов. Оба государства являются не только гигантами евразийского континента, но и ключевыми игроками на арене глобальной политики.

Тема российско-китайских отношений, таким образом, затрагивает несколько сфер или уровней взаимодействия – непосредственно сферу двусторонних межгосударственных отношений; сферу глобальной политики; сферу региональной политики и регионального развития; сферу экономики, торговли и инвестиций; сферу массовых контактов на уровне простых граждан, сферу культурно-цивилизационного взаимопроникновения. Нет нужды говорить о том, что каждая из этих сфер представляет обширную предметную область со своим набором сложных проблем и противоречий, но в то же время ни одна из этих сфер не может быть адекватно понята в отрыве от других, вне общего контекста, между всеми ними существует тесная взаимосвязь.

---

* Выступление на конференции 19-20 ноября 2005 г. в Институте исследования России Университета Чжэнчжи.

** Заместитель Директора Института стран Азии и Африки МГУ

airiti

В рамках данного короткого сообщения не представляется возможным в одинаковой степени осветить все из вышеперечисленных сфер взаимодействия России и Китая, однако в той или иной степени придется обращаться к разным уровням темы, так как в реальной жизни проблемы разных уровней тесно переплетены.

Российско-китайские отношения и «подъем Китая»

В настоящий период важнейшей проблемой международной политики является вопрос о стремительном процессе усиления Китая и связанном с этим комплексе вызовов. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос о нынешнем характере российско-китайских отношений и о воздействии процесса нарастания совокупной мощи КНР на характер двусторонних отношений. Проблема для руководства российского государства, а также для руководителей крупных российских организаций, имеющих дело с Китаем, формулируется таким образом: «Несет ли усиление Китая непосредственную опасность национально-государственным интересам России и каковы могут быть наши возможные действия для компенсирования неблагоприятных для нас тенденций?»

За последние годы мы настолько привыкли к сообщениям о динамизме китайской экономики и неуклонном росте влияния и могущества Китая, что уже и разговоры о грядущем «веке Китая» стали чем-то само собой разумеющимся. Экстраполируя тенденции последних двадцати лет на будущее, экономисты уже подсчитали, что уже в 2010-2015 году Китай станет крупнейшей экономикой мира. С учетом географических масштабов и размеров населения со временем Китай может превратиться в экономического колосса, размером, скажем в две-три Америки. Все выглядит так, будто сама историческая неизбежность выступает на стороне Пекина.

Многие смотрят на возвышение Китая со смешанным чувством восхищения и страха, их в равной степени завораживают как колоссальный потенциал развития, так и угроза, проистекающая от неизбежно более самоуверенного и даже агрессивного утверждения азиатского гиганта в региональном и глобальном масштабе. Каким будет будущее Китая, вернее каким будет будущий Китай? Проецируя нынешние тенденции на будущее, западные аналитики по большей части проявляют оптимизм, исходя из прогноза успешности эволюционной трансформации китайской социально-экономической системы в духе конвергенции и ее относительно безболезненной интеграции в мировую политико-хозяйственную систему. Другие видят в стремительном подъеме Китая неизбежность усиления националистических и гегемонистских тенденций, его будущего столкновения с нынешним глобальным гегемоном – США, или с сопредельными странами.

В потоке аналитических материалов о современном Китае нет недостатка и в прогнозах противоположного характера. Тут присутствуют и замедление экономического роста, и обострение социальных проблем, нарушение политической стабильности и даже крах власти КПК и распад страны. Но сценарии деструктивного развития событий не составляют основного течения аналитики по Китаю, оставаясь уделом отдельных пессимистически настроенных исследователей или публицистов наподобие Гордона Чжана. Лишь отдавая дань требованиям формального академизма, принадлежащие к мэйнстриму исследователи упоминают в числе прочего и о возможности таких вариантов, оговариваясь при этом, что при разумной стратегии руководству в Пекине под силу их не допустить.

События последних лет породили среди аналитиков и комментаторов большое количество различных точек зрения на будущее социально-политической трансформации Китая и, соответственно, на характер двусторонних российско-китайских отношений, от уверенности в непоколебимости

отношений «стратегического партнерства» до панических настроений в духе пресловутой теории «китайской угрозы». Бурное развитие Китая и неоднозначность протекающих там процессов порождают подчас прямо взаимоисключающие интерпретации одних и тех же событий или тенденций.

Говоря о факторах, действующих в пользу укрепления российско-китайского партнерства, в обозримом будущем в той или иной мере будут продолжать свое действие факторы, сближающие партнеров и позволяющие выстраивать выгодное для нашей страны сотрудничество в различных областях. Отметим лишь часть из них:

необходимость и полезность для нас координации и согласования позиций по значительному количеству глобальных проблем, в том числе в Совете Безопасности ООН, в еще нескольких десятках международных организаций, членами которых являются РФ и КНР;

балансирования сверхдержавного влияния США по конкретным вопросам, особенно с учетом проявляемой Америкой односторонности, двойных стандартов и национального эгоизма;

сходная или близкая позиция по отстаиванию так называемой «национальной самобытности» в вопросе о модели развития в контексте полемики с Западом по вопросу о «демократии и правах человека», а также по вопросу о суверенитете и территориальной целостности (Чечня, Синьцзян, Тайвань);

совпадающие или близкие интересы (борьба с религиозным фундаментализмом и трансграничной преступностью, региональное взаимодействие, энергетика) в регионе Центральной Азии;

airiti

взаимодействие и взаимозависимость в экономической области, облегчаемое географическим соседством и известной степенью «взаимодополняемости» экономик;

перспективы расширения энергетического сотрудничества с учетом наличия соответствующих ресурсов в восточных регионах России и растущего спроса на них в Китае и в АТР;

научно-техническое сотрудничество, облегчаемое опытом технологических трансферов из СССР и массового изучения русского языка в 50-е годы, и наличием в Китае все еще весьма большого количества технических специалистов, владеющих русским языком (около 10 тыс. китайских студентов в настоящий момент в вузах России);

фактор позитивной исторической ассоциации (поддержка со стороны Советской России антиимпериалистическим силам, осуществившим национальное объединение страны в 20-е годы, союзничество против Японии в годы 2-й мировой войны, строительство «коммунизма» в СССР и КНР и т.д.).

В условиях разворачивающегося на наших глазах процесса глобализации, ускорения циркуляции информации, потоков людей, товаров и инвестиций усиливается значение фактора экономического сотрудничества. В значительной степени справедливо утверждение, что в постбиполярном мире совокупная мощь государств будет все более зависеть от возможностей масштабного участия той или иной страны в наиболее передовых экономических и технологических тенденциях, интегрированности в глобальную экономику и в региональные экономические объединения. В этой связи из многих факторов, определяющих динамику двусторонних российско-китайских отношений, взаимозависимость в экономической области – один из самых важных.

Говоря об экономической привязанности и взаимозависимости следует иметь в виду, что хотя с точки зрения обычного здравого смысла факт тесных и интенсивных

торгово-экономических взаимосвязей представляется фактором, предотвращающим или снижающим риск конфликтов, не все специалисты сходятся в своих выводах по этому вопросу. В то время как некоторые подчеркивают первостепенную значимость торгово-экономических связей, другие в русле классической «реалистической» теории международных отношений указывают на значимость баланса сил, военно-политических коалиций важность геополитических и геостратегических факторов. Немалое число - сторонники представлений о растущей важности культурных, этноконфессиональных отличий, «столкновений цивилизаций» и т.д.

Общая ситуация в области торгово-экономических связей

В 2004 г. двусторонняя торговля сделала еще один ощутимый шаг вперед. Объем товарооборота вырос на 35,7% и достиг св. 21 млрд. долл. Это – рекордный показатель за всю историю двусторонней торговли. Безусловно, динамичный рост показателей торговли, последние пять лет демонстрировавшей все новые уровни, отражает общую благоприятную экономическую конъюнктуру в РФ и КНР. При сохранении общей динамики предполагается что в целом за 2005 г. товарооборот выйдет на уровень 27 млрд. долл. Это, безусловно, значимый фактор для укрепления связей двух государств и создания надежной экономической базы долговременным отношениям. Мнения скептиков, ставящих под сомнение значимость роста последних 5-6 лет и утверждающих, что, мол, с США или с Японией у Китая все равно на порядок большие объемы товарооборота, не совсем корректны. Ведь у США и Японии на порядок больший, чем у России размер валового национального продукта. Не более справедливы «аргументы» некоторых авторов, что, мол, структура российско-китайской торговли крайне неустойчива и что, помимо поставок вооружений, ее якобы нечем больше наполнить.

airiti

Заинтересованность Китая в российских энергоресурсах

Один из аргументов тех аналитиков, которые с оптимизмом смотрят на будущее двусторонних политических и экономических отношений заключается в том, что перед Китаем и Россией открываются в среднесрочной перспективе весьма широкие перспективы сотрудничества в энергетической области. Действительно, в плане энергоресурсов Китай в последние годы (2000-е годы) по сравнению с предыдущим десятилетием проявляет возросшую заинтересованность в налаживании постоянных надежных поставок энергоносителей, прежде всего нефти, а также газа из восточных районов РФ.

Нефть

В настоящее время Китай по потреблению энергоносителей занимает второе место в мире, в структуре потребления энергоносителей на долю сырой нефти приходится примерно 20%. За последние десять лет среднегодовые темпы экономического роста составляли свыше 9 процентов, при этом объем потребления сырой нефти увеличивался в среднем на 5,8 % в год. Начиная с 1993 г. Китай является нетто-импортером нефти. Быстрые темпы экономического роста обусловливают растущую потребность китайской экономики в нефти и газе, причем собственное производство, несмотря на усилия по его форсированному наращиванию, не позволяет обеспечивать эти потребности. Например, в 2000 г. при том, что потребление нефти в стране составило 200 млн. тонн, Китай импортировал 70 млн. т. (примерно 30%). В 2003 г. импорт нефти составил уже 91 млн. т. Согласно прогнозам китайских специалистов в текущем году объем ежегодного импорта превысит 100 млн. т., что будет составлять примерно 45 процентов потребностей страны. Некоторые западные специалисты предсказывают, что к 2020 г. Китай будет импортировать до 75% всей потребляемой нефти. К этому времени объем импортируемой Китаем нефти достигнет 200 млн. т. Это означает, что страна в возрастающем

масштабе становится зависима от внешних источников поставок. В целом в 2005 г. Китай должен обогнать Японию и стать вторым после США крупнейшим импортером этого сырья. Большую часть импортируемой нефти Китай получает в настоящее из района Персидского залива. По причинам высоких политических рисков в данном регионе мира, а также уязвимости морских коммуникаций в случае обострения отношений с США или военного кризиса вокруг Тайваня стабильное обеспечение страны энергоносителями может оказаться под вопросом. Китай страдает также от довольно резких перепадов мировой конъюнктуры цен на энергоносители. В связи с этим на протяжении нескольких лет в Китае активно обсуждаются меры по обеспечению «нефтяной безопасности». Нефтяная политика китайских стратегов имеет непосредственное отношение к некоторым аспектам российско-китайских торгово-экономических отношений, а также к формулированию Китаем приоритетов в военном строительстве.

Китай уже предпринял серьезные шаги с целью диверсификации маршрутов поставки углеводородного сырья, подписав ряд соглашений о намерениях с Россией о строительстве нефтепровода из Восточной Сибири (об этом - ниже) и поставках газа из Томской области, а также выиграв тендер на разработку двух крупных месторождений в Казахстане и запланировав строительство нефтепровода длиной в 3 тыс. км. из Казахстана в КНР. В планах китайских руководителей - выйти на поставки нефти из Казахстана в объеме до 50 млн. т. в год, из Австралии – до 3 млн. т. сжиженного газа (для пров. Гуандун). При этом существует возможность направить часть российской нефти в том числе и по казахстанскому трубопроводу. Китайские государственные компании проявляют большой интерес к инвестированию в освоение и эксплуатацию нефтегазовых месторождений в России, государствах Центральной Азии, на Ближнем Востоке (Иран, Ирак), в Африке (Судан), Юго-Восточной Азии (Индонезия) и Латинской Америке (Венесуэла). Руководство активно поощряет китайские нефтяные компании к «выходу за

рубеж», уменьшению и рассредоточению рисков, обеспечения безопасности инвестиций и получении от них максимального эффекта.

Пекин также учитывает американский и японский опыт создания государственного нефтяного стратегического резерва. Планируется создание к концу 2005 г. 35-ти дневных запасов импортированной нефти в размере 6 млн. т., а к 2010 г. – 50-ти дневных запасов. Будет создан специальный орган для управления государственным нефтяным резервом. В целях сглаживания негативного эффекта от резких колебаний цен на нефть предлагается также восстановить рынок нефтяных фьючерсов. В целях обеспечения бесперебойной доставки углеводородного сырья Китай планирует ускорить строительство танкерного флота.

Еще одной составляющей стратегии китайского правительства является развитие (в основном путем повышения эффективности добычи) собственных месторождений в восточных провинциях страны, ускорения разведки и освоения месторождений в богатом углеводородным сырьем Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе («китайский Техас»), в других западных провинциях, в морской акватории. Один из проектов предусматривает строительство трубопровода длиной 4 тыс. км. для перекачки нефти из Синьцзяна в восточные провинции КНР. Стоимость реализации одного только этого проекта должна составить 5 млрд. долл., а сооружение всей сопутствующей инфраструктуры потребует еще 13 млрд. долл. Потребность в наращивании производства энергии будет и далее заставлять Пекин искать новые источники получения энергоносителей. Китай обладает крупнейшими запасами угля и это – потенциально очень серьезный источник пополнения энергетического баланса. Однако по соображениям экологии и сокращения вреда здоровью людей, а также под влиянием ощутимого давления из-за границы Китай вынужден проводить политику постепенного отказа от угля и перехода на более чистые источники энергии. То, что Китаю сейчас

приходится платить возрастающую цену за импортируемую нефть, дополнительно стимулировало усилия к установлению стабильных и долгосрочных источников поставок.

Китай надеялся, что трубопровод из России позволит решить проблему надежности поставок и обеспечения большей стабильности в ценовом отношении. Сибирская и дальневосточная нефть кроме того отличается достаточно высоким качеством. Это, как правило, легкие и низкосернистые сорта, превосходящие по параметрам российский экспортный сорт Urals. Согласно оценкам, к 2020 г. объем ежегодной добычи в этом регионе может достигнуть 80-85 млн. тонн. Спрос на нефть в обозримом будущем будет расти не только в Китае, но и в других странах АТР, примерно на 9% и к 2020 году увеличится до 2100-2200 млн. тонн.

Растущий спрос, предъявляемый Китаем на нефть в перспективе будет все более важным фактором, определяющим глобальный спрос на нефть и, соответственно, на цену этого сырья. Россия за последние годы постоянно наращивала добычу нефти, выйдя к настоящему времени на позиции ведущего игрока на глобальном нефтяном рынке, и вплотную приблизившись к уровню производства Саудовской Аравии – примерно 8 млн. баррелей в день. Как и в случае с Саудовской Аравией нефть стала для России не только крупнейшим источником валютных поступлений, но и важным инструментом крупной геополитической игры.

Ситуация с нефтепроводом Ангарск-Дацин.

Ситуация с нефтепроводом показательна в смысле того, как тесно переплетены в современной ситуации торгово-экономические, внешнеполитические, геополитические и внутриполитические факторы, и как быстро могут поменяться обстоятельства и приоритеты. В середине девяностых годов инициатором крупных проектов энергетического сотрудничества выступила Россия, а Китай предпочитал занимать выжидательную позицию. По некоторым данным

проект Ангарск-Дацин был инициирован российской стороной еще в 1994 г., когда еще не существовало НК «Юкос», а основные бои за приватизацию жемчужин российской нефтяной промышленности были впереди. Трудно сказать, в какой степени это было в то время связано с назревавшим в недрах российского правящего слоя отходом от козыревской проамериканской внешней политики и переходом к будущей «сбалансированной» в сторону Азии дипломатии Е. Примакова. Именно в середине 90-х появляются проекты нефте- и газопроводов и энергомостов из Сибири в Китай, ни один из которых так по существу и не получил серьезной поддержки Пекина, не торопившегося переходить к серьезным проектам с Россией.

Однако по мере того, как нарастала зависимость КНР от импорта нефти, а также назревали другие изменения в общей внешнеэкономической стратегии (появление таких важных проектов как «освоение западных регионов», политики «идти вовне», стимулирование инициатив регионального характера в Юго-Восточной Азии и в Центральной Азии и целый ряд других) отношение китайцев постепенно менялось. К 2002 г. были в целом завершены технико-экономические обоснования маршрута Ангарск-Дацин, а в мае 2003 г. во время первого зарубежного визита Ху Цзиньтао в качестве Президента КНР в Москву НК «Юкос» и Китайская государственная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписали генеральное соглашение об основных принципах и договоренностях в отношении долгосрочного контракта на поставку нефти в Китай, где подразумевалось реализация на протяжении 25 лет поставок 700 млн. тонн нефти на сумму 150 млрд. долл.

Активное и неожиданное подключение Японии к обсуждению проектов дальневосточных трубопроводов резко изменило ситуацию. Предложение, сделанное Японией, имело целый ряд серьезных преимуществ по сравнению с «китайским» проектом: оно выгодно тем, что весь трубопровод будет на территории России, он позволит осуществлять поставки не одному государству, а любому

потенциальному потребителю в АТР, потенциально включая даже США. Японцы далее обещают кроме финансирования строительства самого трубопровода (5 млрд. долл.) помочь в подъеме инфраструктуры регионов примыкающих к трубопроводу (еще 1 млрд. долл.). Кроме этого, Япония предложила дополнительно еще 7,5 млрд. на проведение дальнейшей разведки месторождений в Восточной Сибири.

С конца 2002 г. большое количество делегаций крупных правительственных чиновников Японии включая премьер-министра Коидзуми посетили Россию с целью убедить российских коллег в преимуществах японского предложения и его выгодности для России. Не менее, а может быть и более энергичные усилия предприняли китайцы, подключив к лоббированию все средства, вплоть до пресловутой «народной дипломатии». Считая проект «Ангарск-Дацин» главным средством в возможности России активного освоения китайского рынка нефтепродуктов китайцы активно пропагандировали тезис о китайских финансовых гарантиях финансирования части проекта и бесперебойной закупки поставляемой Россией нефти. Параллельно проводилась мысль о том возможном исходе всей этой истории, когда сначала Япония добьется принятия выгодного для себя решения, а потом откажется от участия на стадии более подробной проработки проекта или поставит российскую сторону в безвыходное положение, увязав в решающий момент обещанные нам инвестиционные средства с уступками России по проблеме так называемых «спорных островов».

Японское вторжение в сферу российско-китайского нефтяного сотрудничества было правда не единственной причиной осложнений. Имел место целый клубок известных проблем, связанных с внутриполитической борьбой в России. Фактор Юкоса в этой борьбе также широко известен. Фактически дело касалось не просто одной нефтяной компании, а определения будущей парадигмы развития народного хозяйства страны. Парализация деятельности ключевых владельцев Юкоса в связи с известными санкциями

против Ходорковского и его окружения оставила китайский проект без его главного и фактически единственного лоббиста. На стороне же японского проекта активно действует государственная компания «Транснефть».

В настоящее время считается, что «самое последнее» окончательное решение российской стороны по маршруту восточного нефтепровода еще не принято.

Но неофициально уже известно о том, что приоритет отдан «тихоокеанскому» направлению, то есть ни «японскому», но и не «китайскому», как например выглядит маршрут Тайшет-Сковородино-Перевозная, с проработкой ответвления на Дацин. Как отметил один аналитик, выбирая между «стратегически корректным» и «коммерчески выгодным» решениями, Кремль попытался сесть сразу на два стула и осуществить сразу оба варианта. Характерно, что утверждения о невозможности заполнить одновременно обе трубы – на Находку и на Дацин – возможно неверны. Есть данные, что Россия может поставлять на экспорт в восточном направлении к 2020 г. около 50-100 млрд. кб м газа и 50-80 млн. т. ежегодно. Не вдаваясь в детали, большое количество которых публиковали российские и зарубежные СМИ во второй половине 2003 – первой половине 2005 года отметим, что вопрос о трубопроводе стал кульминацией своего рода кризиса в российско-китайских отношениях. Высокую степень недовольства Пекина подчеркивали высказанные на разных уровнях, в том числе в китайских СМИ упреки в недостатке искренности и желания развивать доверительные отношения и стратегическое партнерство. Как отмечали поддерживавшие китайскую точку зрения аналитики, история с трубопроводом наложилась на еще несколько «обид», нанесенных Москвой Пекину и нанесших вред взаимному доверию: несвоевременное информирование об изменении позиции России по Договору по ПРО, о «допущении» американских военных в Центральную Азию, скандальная ситуация с попыткой китайской компании CNPC купить Славнефть, а затем – еще одну более мелкую нефтяную компанию,

усилившийся в российском обществе и российских СМИ негативный фон вокруг находящихся в России китайцах и проч.

Даже некоторые китайские авторы признают, что реакция в Китае на «недостаточно доверительную» нефтяную политику Кремля оказалась чересчур эмоциональной. В Китае соперничество Японии не могло не наложиться на фактор серьезного охлаждения японо-китайских отношений последнего времени. Китайские руководители видимо не могли не увязать российские сомнения в вопросе о трубопроводе с якобы растущей боязнью России «усиливающегося Китая», и с якобы тем, что в Кремле от стратегического партнерства начали осуществлять «ползучий» переход к стратегическому сдерживанию Китая. Китайские стратеги, видимо, не могут не проецировать возможное масштабное российско-японское энергетическое сотрудничество на более важную сферу внешней политики и военной безопасности.

Пока не прояснилась окончательно ситуация с нефтепроводом Китай согласился на весьма вовремя и очень уместно предложенную российской стороной активизацию поставок нефти (та же юкосовская нефть) из России по железной дороге. Это, конечно, менее интересное для Китая сотрудничество, так как тарифы на железнодорожные перевозки выше, чем при поставках по трубопроводу, да и полный контроль над поставками остается в руках российской стороны. Поэтому Китай в ближайшие недели и месяцы будет продолжать усилия по лоббированию нефтепровода. По имеющимся сведениям Китай пока не ослабляет усилий по тому, чтобы все же склонить Кремль в пользу своего варианта, при этом стараясь увязать вопрос с закупками продукции российского ВПК, пытаясь обыгрывать в числе прочего тему возможной отмены эмбарго ЕС на поставки оружия в Китай (об этом - ниже). В 2003 г. Россия экспортировала в Китай 5,2 млн. тонн сырой нефти, что составило около 6% всей ввезенной в Китай нефти. В 2004 г. по железной дороге в

airiti

Китай будет поставлено 6,4, в 2005 г. – 9,5, в 2006 г. – 15 млн. тонн.

В последнее время российские авторы в целом сформулирован достаточно спокойный подход к этой проблеме (необходимо продолжать интенсивно прорабатывать этот вопрос с учетом геополитических, экономических, ресурсных, экологических и проч. условий) в отличие от более эмоциональных подходов недавнего времени. Несмотря на страсти по поводу Восточного нефтепровода, увеличению масштабов экономического взаимодействия будут способствовать следующие перспективные проекты в энергетической сфере: освоение Ковыктинского месторождения и поставки газа в КНР, подключение КНР к проектам Сахалин-1, Сахалин-2, переброска электроэнергии из восточных областей РФ в КНР и др.

Разбираются также другие сферы взаимодействия, потенциал которых достаточно велик – сотрудничество в области транспорта, лесного комплекса, сельского хозяйства, межбанковское сотрудничество, сотрудничество в области науки и техники и высоких технологий, использование иностранной рабочей силы для дополнительного освоения регионов Сибири и Дальнего Востока, инвестиционное сотрудничество, приграничная торговля и межрегиональные связи, природоохранное сотрудничество и т.д.

Газ

Доля природного газа среди энергоносителей в Китае составляет пока только 2%. Ожидается быстрый рост спроса на природный газ для производства электроэнергии, для промышленного потребления и теплоснабжения в городах. В 2000 г. спрос на природный газ составил более 26 млрд. куб.м., а в 2005 г. он достигнет 60-70 млрд. куб м. В самом Китае имеются немалые запасы газа, но в основном в центральных и западных провинциях, а спрос сосредоточен в восточной приморской полосе. В настоящее время уже завершено

строительство газопровода Запад-Восток от Таримской впадины в СУАР до Шанхая протяженностью 4167 км. Китай хотел бы также получать в больших объемах газ из России, Узбекистана и Казахстана. Эти три страны имеют возможность поставлять ежегодно 40-60 млрд. куб.м.

Недавно в прессе появились сообщения, что участие Газпрома в эксплуатации газопровода Запад-Восток может быть приостановлено. По предварительному соглашению 2002 г. компания PetroChina должна была владеть 50 процентами трубопровода, а консорциум компаний Шэлл, Эксонмобил и Газпром должен был иметь 45% (по 15% каждой компании), а Sinopec – остающиеся 5%. Подписание окончательного соглашения ожидалось в 2003 г., однако PetroChina и консорциум никак не могли окончательно согласовать детали сделки и управления трубопроводом.

Атомная энергетика

Ряд экспертов называют особенно перспективной областью сотрудничества двух стран в энергетике строительство объектов атомно-энергетической отрасли. Китай планирует серьезно расширять мощности атомной энергетики. Планируются новые АЭС в Гуандуне и Чжэцзяне. Однако здесь российским атомщикам предстоит жесткая конкуренция с западными компаниями, в частности очень активно действует на этом сегменте рынка Франция. У нас есть ряд заделов. При активном участии России строится первая очередь Тяньваньской АЭС. Сейчас там работают 800 российских специалистов. Промышленный пуск первого энергоблока Тяньваньской АЭС предполагается осуществить в октябре нынешнего года. Российским корпорациям предстоит бороться за новые заказы.

Лес

На самом деле потенциально не менее прибыльным, чем нефть и газ крупным направлением сотрудничества для России могли бы стать поставки продукции лесной,

лесоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной продукции. Кроме того, эта отрасль потенциально могла бы стать объектом китайских инвестиций. Китайцам российский лесной ресурс очень нужен и безальтернативность пути удовлетворения этой потребности Китая и есть беспроигрышный козырь России на рынке леса.

За годы «либеральных реформ» объём лесозаготовки в России сократился в три раза, износ техники достигает 80 процентов, инфраструктура развалена, эффективность экспорта падает. Между тем по запасам лесных ресурсов Россия занимает ведущее место среди развитых лесопромышленных стран. Покрытая лесами площадь территории России составляет 64,6% и равна 774,3 млн га. Общий запас древесины достигает 81,9 млрд м, что больше чем в США, Финляндии и Швеции, в 4, 16 и 40 раз соответственно. Однако, установленная годовая лесосека используется на 22–24%. При запасах лесных ресурсов в 4 раза больше чем в США Россия заготавливает в 4,5 раза меньше, экспортирует в 5 раз меньше, а производит бумажной продукции на душу населения в 14 раз меньше. Доля целлюлозно–бумажной промышленности в промышленном производстве России составляет 1,63%. Вместе с тем в 45 субъектах РФ продукция лесопромышленного комплекса составляет от 10 до 50% от общего объема промышленной продукции и определяет бюджетную наполняемость соответствующих регионов.

Примечательно, что в 90-е гг. из всех сфер торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем только в лесной сфере инициатива наращивания поставок исходила от китайской стороны. Нефть, газ, электроэнергия, оружие и т.д. - всё это продавать в Китай очень хотела именно Россия, а вот лесной ресурс в России масштабно хотел осваивать именно Китай. Главный камень преткновения здесь заключается в следующем: китайская установка состоит в том, чтобы вывозить из России древесное сырьё преимущественно в круглом виде, а российская сторона, как на государственном

уровне, так и на уровне предпринимателей, не согласна с перспективой превращения русского леса в сырьевой придаток китайской деревообрабатывающей промышленности.

Привязанность российского Дальнего Востока к китайскому рынку.

Она обусловлена как географической близостью к Китаю, удаленностью от европейской части России, так и хаотическим процессом перехода от централизованной советской экономики к нынешней рыночной в 90-е годы. Фактически, либерализм российского государства этого периода (по сути ситуация пока все еще кардинально не исправлена) в части свободного допущения на свой рынок иностранных компаний и бизнесменов, а также импортных товаров не имеет аналогов в мировой практике. Это не только способствовало деиндустриализации российских территорий, но и закреплению элементов экономически хищнического поведения наших партнеров. Снабжение региона Дальнего Востока в значительной сегодня зависит от поставок китайских товаров и продуктов, что, безусловно, чревато высокими рисками с точки зрения экономической и продовольственной безопасности.

В области так называемой неорганизованной торговой деятельности сама жизнь уже поставила задачу для российских властей усилить регулирование и исправить невыгодный для России характер так называемой «приграничной» торговли (наиболее явные издержки такого характера торговой деятельности китайцев на территории России – неравные законодательные условия для деятельности китайцев в России и россиян в Китае, уклонение от уплаты налогов, производство контрафактной продукции, незаконные финансовые операции, циничное игнорирование российских законов и проч.). Потенциально в краткосрочной перспективе меры по упорядочению ситуации могут добавить конфликтности в двусторонние отношения, так как затронет материальные

интересы китайских фирм и индивидуальных предпринимателей, привыкших к практическому отсутствию регулирования и возможностью откупаться от выполнения требований закона и постановлений сотрудничая с коррумпированными представителями власти. Возможно усилятся обвинения в «притеснениях» китайцев в России.

Один из показателей растущей решимости российской стороны в переводе приграничной и неорганизованной торговли в цивилизованное русло - усиление борьбы с недостоверным декларированием таможенной стоимости импортируемых товаров, что выгодно как российской казне, так и добросовестным импортерам. Скажем, в 2003 году из Китая в Россию было ввезено потребительских товаров на сумму $3,4 млрд., в то время как китайские таможенные органы оформили вывоз товаров на этом же направлении на $6 млрд. Причина этого ясна - тотальное занижение таможенной стоимости ввозимых товаров. Однако надо исходить из того, что перевод российско-китайской торговли в цивилизованное русло – в конце концов и в интересах самой китайской стороны, если она заинтересована в налаживании долгосрочных и стабильных отношениях экономического и политического партнерства. От ситуации 90-х годов, когда многие в КНР смотрели на восточные районы России как на своего рода невозделанную целину, ожидающую колонизации, целесообразно переходить к более сбалансированным подходам.

Сложность внутренних и внешнеполитических задач китайского руководства, переходный характер нынешней политической системы в Китае, системные трудности .

По мнению ряда американских экспертов существует ощутимый разрыв в степени объективности и глубины освещения ситуации в Китае российскими изданиями и о России китайскими. В то время как на китайской стороне присутствует в целом как правило довольно объективное и

адекватной понимание российских реалий, выводы обычно взвешенные, без крайностей, российские суждения о Китае часто отличаются отсутствием достаточной глубины, предвзятостью, наивностью и импульсивностью. (Речь здесь не идет о сугубо академических публикациях в специальных малотиражных изданиях, а о публичном дискурсе – выступлениях политиков, дежурных политологов, участников разнообразных ток-шоу и проч.). Видимо, это наблюдение имеет под собой некоторое основание. Оно связано с неоднозначными процессами в российском экспертном сообществе постсоветского времени, где на фоне деградации научных и аналитических структур советского периода происходит консолидация новой экспертной элиты, которая оказалась слишком зависима от конъюнктурных источников финансирования, страдает смешением собственно аналитики и пиара, готова предложить сиюминутную «экспертизу» по любому вопросу и т.д.

На этом фоне отрадно появление в 2005 г. двух достаточно качественных трудов, освещающих ряд важных проблем китайской внутренней и внешней политики [1]. В частности проблемам развития российско-китайских отношений посвязена первая из этих двух монографий. «Коренные национальные интересы двух стран в сферах безопасности и развития», - отмечают авторы исследования, – «имеют много общего или совпадают. Поэтому дальнейшее последовательное наращивание взаимовыгодного сотрудничества с Китаем может стать одним из главных факторов экономического развития России в целом, а также ее восточных регионов…Существующие и потенциальные различия в интересах и возможные противоречия не носят антагонистического характера и при наличии политической воли могут быть преодолены» (с. 9-10).

[1] Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Рук. Проекта М.Л. Титаренко. М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2005; Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Рук. проекта В.В. Михеев. М., Московский центр Карнеги, 2005.

Анализируя события двух лет, прошедших с момента назначения нового руководства Китая отметим, что в целом четвертое поколение китайских руководителей действует в рамках той социально-политической модели, параметры которой были заданы третьим поколением, которое продолжает сохранять в своих руках контроль над важнейшими стратегическими решениями, касающимися развития страны. Вместе с тем нельзя не отметить, что с момента назначения нового руководства в центре и в провинциях появилось немало новых моментов, позволяющих говорить, если не об отличном от прежнего *курсе* нового руководства, то, по крайней мере, отличном от прежнего *стиле* руководства и о новой расстановке акцентов в рамках общей стратегии, сформулированной 3-м поколением. В целом все большее количество китайских специалистов считает, что под руководством Ху Цзиньтао и премьера Вэнь Цзябао постепенно формируются основы не только довольно ощутимо отличного политического стиля, но и отчетливо отличающейся стратегии развития, получившей название *ху вэнь синьчжэн* – «новый курс Ху и Вэня». Отходя от одностороннего фокуса на развитие приморских регионов за счет более слабого развития обширных внутренних территорий, от зацикленности на темпах роста ВВП при недостаочном внимании к безработице и социальным проблемам, Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, подход которых называют «сочувственным консерватизмом», подчеркивают необходимость достижения более сбалансированного в региональном аспекте экономического развития, большей социальной справедливости и берут курс на политическую институцианализацию.

Первые годы 21 века ознаменовались для Китая не только процессом передачи власти новому поколению лидеров, но и существенными моментами, корректирующими принципы внутренней и внешней политики. Становление новых элементов во внутренней и внешней политике, не могло не пройти с определенными дискуссиями, противоречиями, столкновениями мнений и интересов, политическими зигзагами, и то, что это процесс весьма острый, оказалось

заметным даже несмотря на отсутствие открытости в деятельности высших эшелонов партийно-государственного руководства КНР.

Такого рода вещи, которые позволяют за фасадом «плавной передачи власти» увидеть несколько более сложную картину, в принципе не новость для специалистов. Весьма характерным примером в этом плане можно считать достаточно драматическую и отчасти загадочную историю с подъемом и закатом теории «мирного возвышения Китая».

Сам термин «мирный подъем Китая» (*чжунго хэпин цзюэци*) был первоначально введен в широкое употребление бывшим зам. декана Центральной партийной школы ЦК КПК, председателем Форума китайских реформ и открытости, зам. заведующего Отдела пропаганды ЦК КПК Чжэн Бицзянем во время заседания 3 ноября 2003 г. очередного Азиатского Форума в Боао (пров. Хайнань). Он, в частности, отметил, что в новых исторических условиях Китай может выбрать лишь путь «мирного подъема», с тем чтобы в условиях мирной международной обстановки обеспечить собственное развитие и собственным развитием способствовать защите международного мира. [2] После того, как термин был использован в нескольких выступлениях Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, градус общественного обсуждения этой темы немедленно подскочил и в ряде публикаций была поставлена тема очередного теоретического «прорыва», развития «новой стратегии» для Китая. Можно сказать, что вся первая половина 2004 г. прошла под знаком большого информационного шума и неутихающих дискуссий по этому вопросу. Согласно данным некоторых обследований словосочетание «мирный подъем Китая» на протяжении первой половины 2004 г. оказалось в числе трех наиболее часто упоминаемых терминов в китайских СМИ. Согласно компьютерной обработке материалов тринадцати крупнейших

[2] Чжэн Бицзянь.Чжунго хэпин цзюэци синь даолу хэ ячжоу дэ вэйлай (Новый путь мирного подъема Китая и будущее Азии). Выступление на Боаоском форуме 2003 г. – *Сюэси шибао*, 25.12.2003.

китайских газет, проведенной Институтом прикладной лингвистики Пекинского университета языка и культуры, этот термин оказался третьим наиболее часто встречающимся после словосочетаний «статус рыночной экономики» и «научно обоснованная концепция развития».[3]

Смысл понятия «мирного возвышения Китая», как его объяснил Чжэн Бицзянь, связан с контекстом истории взлета и падения крупных держав. В прошлом подъем новой крупной державы был прямым вызовом господству державы-гегемона или группы гегемонистических держав; он сопровождался, как правило, ломкой сложившегося баланса власти в мире, потрясениями, большими и малыми войнами. Но в современном мире Китай должен использовать мирную обстановку и мирное окружение для продолжения своего развития и прилагать усилия к поддержанию мира. Таким образом, теория «мирного подъема Китая» была предназначена убедить другие страны в том, что экономический взлет страны и рост ее военного потенциала не будут угрозой миру и стабильности, и что другие страны даже смогут получить пользу от этого процесса.

По мнению иностранных наблюдателей, довольно отчетливо в этой теории была проведена мысль о том, что быстрое наращивание Китаем экономической мощи не представляет собой «игру с нулевой суммой», и что новый, более сильный Китай будет представлять не только конкурента, но и давать пользу другим странам, например предоставляя дополнительные возможности для их экономического развития за счет роста емкости китайского рынка.[4] В теории «мирного подъема Китая» активно подчеркивалась важность так называемой «мягкой власти» (soft power) и в этом контексте содержался вывод о том, что достичь целей «мирного подъема» нужно непременно

[3] Mohan, Raja C. Debating China`a 'Peaceful Rise'. The Rhyme of the Ancient Mariner. – Economic and Political Weekly, Mumbai, August 14, 2004.

[4] China's peaceful rise. – from Wikipedi (http://en.wikipedia.org/wiki/China's_peaceful_rise)

посредством улучшения международного имиджа страны, через улучшение отношений Китая с ключевыми странами современного мира и особенно с окружающими Китай странами.

Утверждается, что экономическая стратегия Китая принципиально отличается от типа политики, которую проводила Япония в 1980-е годы. Китай, в отличие от Японии того времени, должен избегать эгоистической политики, базирующейся на принципах неомеркантилизма и протекционизма, и это тоже будет давать возможность другим странам посредством торговли и инвестиций получить выгоды от китайского экономического подъема.[5] В области внешней политики и дипломатии стратегия «мирного подъема Китая» подразумевала становление Китая как «ответственной» державы, активно действующей на благо региональной и глобальной стабильности и развития, участвующей в многосторонних организациях и механизмах. Примерами такого рода конструктивного вклада Китая называли, например, важную роль, которую Китай играет в шестисторонних переговорах по корейской ядерной проблеме и его инициативу по созданию и развитию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

То, что теория «мирного подъема» стала свидетельством нового, более продвинутого этапа в эволюции китайской внешней политики, связано не только с интенсивностью обсуждений в 2004 г., но и со всем контекстом практической китайской внешней политики начиная, примерно с 2000 г. Не вдаваясь в разбор китайской внешней политики последних лет как отдельной весьма большой темы, отметим, тем не менее, что в целом специалистами подчеркивается возросший акцент на инициативность и активность китайской дипломатии, стремление подкрепить возросшую в глобальном масштабе экономическую мощь страны более уверенной и целеустремленной дипломатической стратегией. В конце 2003

[5] Ibid.

г. влиятельный американский журнал *Foreign Affairs* опубликовал вызвавшую довольно большой резонанс статью Э. Медейроса и Т. Фрэвэла под названием «Новая дипломатия Китая» ("China's New Diplomacy"). Авторы приходят к выводу о том, что «мы сейчас наблюдаем рождение Китая как активного игрока на международной арене. В последние годы Китай начал занимать менее конфронтационную, более изощренную, более уверенную в себе, и временами, более конструктивную позицию по региональным и глобальным проблемам.....Китай активно принял существующую в современном мире конфигурацию международных институтов, правил и норм и сделал он это сознательно как средство продвижения своих национальных интересов. Он пошел в этом отношении еще дальше и предпринял усилия к тому, чтобы в какой-то степени тоже оказывать влияние на эволюцию этой системы»[6].

Еще в начале 90-х гг. Дэн Сяопин выдвинул формулу из 28 иероглифов, которая должна была определять отношения страны с окружающим миром: "хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям "(冷靜觀察，穩住陣腳，沉著應對，韜光養晦，善於守拙，決不當頭，有所作爲). Похоже, что в начале XXI в. дипломатия «скрывания своих возможностей и невысовывания» постепенно уступает место другим, более ньюансированным подходам, она будет трансформироваться в вариант гораздо более активного участия Китая в жизни международного сообщества и теория «мирного подъема Китая» была еще одним свидетельством в пользу этого.

Еще одним новым термином, привлекшим внимание экспертов стало понятие «пекинский консенсус». Некоторые зарубежные комментаторы придумали для китайской

---

[6] Evan S. Medeiros and M. Taylor Fravel. "China's New Diplomacy". - *Foreign Affairs*, November/December 2003.

экономики термин “Пекинский консенсус”, имея в виду прагматичный подход страны к экономической политике… Он придуман в противоположность вашингтонскому консенсусу - потерпевшему крах триединству либерализации, приватизации и стабилизации, проповедуемому ведущими международными организациями и светилами от науки. Пекинский консенсус представляет собой рыночные реформы в отсутствие демократизации. В отношении России, вашингтонский консенсус привел бывшую централизованную экономику к новому варианту социализма, Сетевому Предпринимательскому Социализму с признаками демократии.

Авторы-экономисты из Гонконга считают, что Россия начинает склоняться к Пекинскому консенсусу, что выражается в меньшем внимании демократии и большем стимулировании и поощрении предпринимательства[7].

Несмотря на то, что теория «мирного подъема Китая» оказалась в итоге внутрипартийных дискуссий весны-лета 2004 г. фактически дезавуирована и снята с повестки дня большой политики, она выявила весьма любопытную гамму мнений среди специалистов по внешней политике в КНР и спровоцировала жаркие дискуссии за пределами Китая. Представляет большой интерес реакция на теорию «мирного подъема Китая» и вызванные в связи с ней дискуссии на Тайване, тем более, что считается что одной из причин внезапного лишения теории официального статуса стала ее противоречивость (и как следствие - уязвимость) именно по вопросу о Тайване.

Разумеется, большинство комментариев тайваньских политологов сконцентрировались на проблеме противоречия между «мирным» характером взаимоотношений Китая с внешним миром, который постулирует данная теория и инструментарием «немирного» решения тайваньского вопроса, являющимся принципиальной позицией Пекина в данной

[7](http://www.russiaeconomy.org/comments/060204.html)

airiti

области. Многими тайваньскими аналитиками отмечается, что в силу этого обстоятельства тайваньский вопрос является единственным вопросом из всей совокупности взаимоотношений Китая с внешним миром, который не подпадает под «юрисдикцию» «мирного подъема».[8] Однако в случае поддержки Тайваню со стороны «внешних сил» (напр., США), Китаю придется пожертвовать не только «мирным подъемом», но и плодами экономического развития последних десяти или двадцати лет.

Своеобразный характер современной политической жизни Тайваня с ее достаточно жесткой поляризацией по «сине-зеленому» водоразделу, проявился и по отношению к проблеме «мирного подъема Китая». В то время как часть экспертов, близких к оппозиции (Гоминьдан и Циньминьдан) высказались за позитивную реакцию на эту теорию, увидев в ней возможность улучшения двусторонних отношений «через пролив», околоправительственные эксперты и политики в целом заняли негативную позицию. Среди этой второй группы преобладающей стала точка зрения на теорию «мирного подъема Китая» как на «дымовую завесу», под прикрытием которой руководство КНР наращивает военно-политическую мощь и влияние в регионе, намереваясь реализовать цель установления своей гегемонии. В этой интерпретации теория «мирного подъема» изображается как средство пропагандистского прикрытия, которое призвано рассеять опасения соседних государств, а также США относительно того, что же несет с собой стремительное усиление совокупной мощи Китая, что будет представлять собой политика Китая после реализации «мирного подъема», призвано скрыть подлинные цели так называемой «большой стратегии» китайского руководства, а именно цели господства сначала в региональном, а потом и в мировом масштабе.

---

[8] Чжу Синьминь. Мяньдуй чжунгун хэпин цзюэци фачжань Тайвань жуаньсин голи (Перед лицом мирного подъема материкового Китая Тайвань должен наращивать свою собственную мягкую власть). Фонд национальной политики. - *Ляньхэбао*, 7 сентября 2004 г.

Именно такое прочтение этой стратегии озвучили и Вице-президент КР Лю Сюлянь и Президент Чэнь Шуйбянь. Так, в частности Чэнь Шуйбянь заявил, что наряду с экономическим подъемом Китая происходит и его военный подъем (отмечается рекордный военный бюджет КНР – 67 млрд. долл., что уступает только США), поэтому подъем Китая отнюдь нельзя назвать «мирным». Экономический подъем Китая порождает, по словам Чэнь Шуйбяня, у многих государств различные иллюзии, а руководство в Пекине использует это, активно расширяя свое влияние на страны Юго-Восточной Азии, а также Латинской Америки. Одновременно оно стремится маргинализовать роль Тайваня, «перекрыть ему кислород» в плане лишения его пространства на международной арене, максимально ослабить его возможности к самозащите[9].

Некоторые тайваньские аналитики прибегают к еще более эмоциональной лексике, называя теорию «мирного подъема Китая» «уловкой» или «обманом». Они указывают на то, что наращивание Китаем своих военных возможностей представляет угрозу Тайваню и другим государствам региона[10]. Другие указывают на ряд проблемных моментов, имевших место во взаимоотношениях Китая с соседними странами в последние месяцы, которые, по их мнению, ставят под сомнение «мирный» характер подъема Китая. В частности, имеются в виду недавние дипломатические осложнения между Китаем и Южной Кореей, Сингапуром, Японией, Тайванем и проблемы с оппозицией в САР Гонконг[11]. Вице-президент КР Лю Сюлянь, известная еще большей жесткостью по сравнению с Чэнь Шуйбянем по вопросам отношений двух берегов пролива, высказалась по проблеме «мирного подъема Китая» в характерном для нее стиле. Выступая на семинаре представителей оборонных предприятий Тайваня, она заявила

---

[9] *Дацзиюань(Сянган)*, 31.05.2005. –(www.hk.epochtimes.com)

[10] Чэнь Лунчжи. Чжунго хэпин цзюэци дэ пяньцзюй (Обман так называемого «мирного подъема Китая»). – *Цзыюшибао*, www.libertytimes.com 18.01.2005.

[11] China's rising not all that 'peaceful'. – Taipei Times, 19.08.2004. – (www.taipeitimes.com)

airiti

о том, что Пекин выдвинул теорию «мирного подъема Китая» как дымовую завесу, призванную замаскировать нарастающую по интенсивности подготовку к военной операции против Тайваня. «Становится очевидно, что китайские коммунисты готовятся к ограниченной войне с опорой на высокие технологии», - отметила она[12].

Рядом тайваньских исследователей поставлен вопрос о том, является ли «мирный подъем Китая» описанием уже происходящего процесса или неким целеполаганием, стратегией, которую еще только предстоит реализовать в будущем? Если это есть задача, которую необходимо реализовать, то в чем нынешняя реальность не соответствует этой цели, и какие препятствия стоят на пути ее реализации?[13] В экономической области отмечается, что, несмотря на благостную картину предстоящего «совместного развития» Китая и сопредельных стран, реальность пока такова, что Китай как мощный пылесос всасывает в себя иностранные инвестиции, потенциально могшие поступить в страны ЮВА, а также захватывает экспортные рынки этих же стран. Конечно, используя появившуюся в последние годы покупательную способность рынка своих приморских провинций КНР может оттянуть на себя часть экспорта стран ЮВА, одновременно тем самым ослабляя давление на юань в пользу его ревальвации и уменьшая обвинения соседних стран в подрыве их экономики. Но в смысле непрозрачности своего рыночного механизма, в плане торговых споров, а также по вопросу валютной политики Китай не идет ни на какие компромиссы и его неомеркантилистская и эгоистическая модель развития продолжает оставаться без изменений[14].

---

[12] Taiwan says China using “peaceful rise” as a smokescreen for invasion. – War.wire, 01.11.2004. –(www.spacewar.com)

[13] Лай Ичжун. Чжунго далу хэпин цзюэци: ши вэньти хайши шиши (Мирный подъем материкового Китая: проблема или реальность). – (www.taiwanthinktank.org) 11.04.2004.

[14] Лай Ичжун. И Тайвань дэ цзунти чжаньлюэ чули чжунго дэ хэпин цзюэци (Определить позицию к «мирному подъему Китая» с точки зрения комплексной стратегии развития Тайваня). – Тайвань жибао, (www.taiwandaily.com.tw), 05.12.2004.

airiti

По вопросу экономической интеграции в АТР тайваньскими политологами отмечается такой феномен как ажиотаж вокруг целого ряда двусторонних проектов создания с участием Китая зон свободной торговли (FTAs), что происходит на фоне упадка влияния Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) в целом. Делается вывод, что экономический «подъем Китая» в определенной степени противоречит принципу открытого регионализма и способствует экономической сегментации региона[15]. По всей видимости, в этих рассуждениях отражается опасение Тайваня оказаться за бортом продвигаемых КНР проектов экономической интеграции, таких как планы создания зон АСЕАН+1, АСЕАН+3 и проч. В этом отношении характерен контраст между позицией Тайваня, в целом настороженно-враждебной, и ряда других стран Тихоокеанского региона, например Австралии, выразившей официальное одобрение концепции «мирного подъема Китая»[16].

Примечательно, что официальное ниспровержение партийным руководством в Пекине стратегии «мирного подъема Китая» вызвало среди тайваньских наблюдателей не меньше критики, чем сама эта концепция. Немедленно обнаружились некоторые ее позитивные стороны. В частности, говорится о том, что концепция «мирного подъема Китая», помимо своей направленности на заграничное потребление, имела и внутриполитическое значение. И в этом качестве она представляла собой шаг вперед по сравнению с ярко выраженным националистическим лозунгом «великого возрождения китайской нации» Цзян Цзэминя[17]. Она, таким образом, представляла собой отход от «узкого национализма» установок предшествующего руководства и более открытый и

---

[15] Там же.

[16] THE PEACEFUL RISE OF CHINA: WHAT DOES IT MEAN FOR AUSTRALIA AND THE REGION? H.E Dr Alan Thomas, Australian Ambassador to China. Speech to The Asialink Centre - Tuesday 27 July 2004

[17] Чжэн Циньжэнь. Чжунго «хэпин цзюэци» лунь (Теория «мирного подъема Китая»). – Тайвань жибао, 22.03.2005.

даже космополитический взгляд на положение Китая в современном мире. Ее дезавуирование представляется некоторыми тайваньскими комментаторами победой «ястребов» во главе с Цзян Цзэминем над вроде бы более либеральными политиками нового поколения[18]. По их мнению, представители НОАК особенно сильно возражали против концепции «мирного подъема Китая» так как выдвижение на первое место слова «мирный» якобы снижало достоверную угрозу применения немирных средств против сторонников тайваньской независимости[19]. Переизбрание Чэнь Шуйбяня на второй президентский срок и его «фигура умолчания» в инаугурационной речи (отсутствие каких-либо разъяснений по поводу намерений его администрации, касающихся правового статуса Тайваня), интерпретированная как опасное стремление к «ползучей независимости», а также начало острых японо-китайских противоречий по вопросам разведки нефтегазовых месторождений в спорной территории океанского шельфа (в Восточно-китайском море) – все это якобы гальванизировало противников концепции «мирного подъема Китая» и способствовало ее «падению»[20].

Между тем ряд других тайваньских аналитиков высказывает несколько иную трактовку судьбы этой концепции. Мнение о победе «ястребов» над «голубями» здесь признается слишком поверхностным и упрощающим реальный характер взаимоотношений в пекинском руководстве. Указывается на то, что в марте 2004 г. Политбюро ЦК приняло решение по поводу концепции «мирного подъема Китая», которое состояло из следующих положений: 1) не выдвигать

---

[18] Эта точка зрения широко распространена и в западной аналитической литературе. См., напр. John J Tkacik Jr. China's 'peaceful' rise at stake in power struggle. AsiaTimes Online (HK) – www.atimes.com 08.09.2004. Однако за последний период сравнительная оценка «третьего» и «четвертого поколения» китайских лидеров изменилась и в представлении некоторых западных аналитиков Цзян Цзэминь начинает выглядеть как даже несколько больший либерал и рыночник, чем Ху Цзиньтао (см. Mooney, Paul. Hu Jintao bad for intellectuals, good for peasants. AsiaTimes Online www.atimes.com 10.03.2005).

[19] Чжэн Циньжэнь. Указ. соч.

[20] Там же.

концепцию как официальную линию партии; 2) не дезавуировать эту концепцию; 3) на официальном уровне «замять» пропаганду этой концепции, но не запрещать ее обсуждение академическим сообществом [21]. Многие после этого поспешили прийти к заключению, что стратегии «мирного подъема Китая» больше не существует. Однако, скорее всего, полагают эти тайваньские специалисты, эта концепция никуда не денется, она просто будет выступать в несколько видоизмененной оболочке. Аргументы здесь приводятся такие. Сама концепция представляет из себя достаточно законченную теоретическую систему, в которую интегрированы такие сферы как внешняя политика, военное дело, торгово-экономическое сотрудничество, внутренняя политика, стратегия в отношении Тайваня и проч., и которая отвечает современному состоянию Китая и его положению в мире. Она увязана с некоторыми положениями традиционной китайской культуры, придающими ей дополнительную привлекательность. Она устремлена в будущее и ассоциируется с деятелями в составе руководства партии и государства, обладающими более широким кругозором и современным подходом к важным проблемам, стоящим перед страной[22].

Безусловно, выдвижение китайским руководством и последовавшее за этим лишение официального статуса концепции «мирного подъема Китая» породило больше вопросов, чем тот круг проблем, который обсуждался тайваньскими аналитиками. Однако вне зависимости от того, какое место в официальной дипломатической линии Пекина будет занимать та или иная теория или лозунг, полемика вокруг «мирного подъема Китая» стала наглядным свидетельством нового этапа развития китайской стратегии и нового уровня вызовов, который это создает для тайваньских

---

[21] Бэйцзин синь да чжаньлюэ ся дэ дуй тай цэлюэ (Политика в отношении Тайваня в рамках новой стратегии Пекина). Информационная сеть по международным военным вопросам. Комментарий по актуальным вопросам военной стратегии. – (www.diic.com.tw/comment/920213-222.files/940119(3).htm)

[22] Там же.

airiti

политиков. Обсуждение проблем и механизмов безопасности уже сейчас невозможно без включения в эту проблематику вопросов, поставленных концепцией «мирного подъема Китая», а именно соотношения «жесткой» и «мягкой» власти, роли политических, социальных и культурных факторов в обеспечении безопасности государства, проблемы ассиметричных способов ведения военных действий, взаимоотношения внутриполитических, региональных, глобальных факторов и т.д.